

СОВЕСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

© 2011 г. Виталий Викторович Сорокин¹

Краткая аннотация: статья посвящена совести как элементу русского православного правосознания.

Annotation: this article is devoted to conscience as the element of Russian orthodox legal consciousness.

Ключевые слова: совесть, русское православное правосознание, право.

Key words: conscience, Russian orthodox legal consciousness, law.

Даже светские правоведы, обладающие секулярным сознанием, время от времени высказывают догадки о том, что моральные и правовые ценности являются выражением универсальных закономерностей бытия. Так, представитель утилитаризма Нового времени Юм признавал, что кроме начала пользы у человека присутствует особое нравственное чувство, которое служит источником всех нравственных действий и мерилom нравственных суждений человека. И. Кант писал: “Любое понятие долга содержит объективное принуждение через закон и принадлежит практическому рассудку, дающему правила... Сознание внутреннего судилища в человеке (перед которым его мысли обвиняют и прощают друг друга) есть что-то иное”². Шотландские моралисты много писали о нравственном чувстве индивида. Они тоже признавали существование в человеке особых нравственных побуждений, отличных от эгоизма, но вопрос заключается в том, где их источник? Если они проистекают из особого чувства, стоящего наряду с эгоизмом, то на каком основании мы поставим первое выше второго? Почему мы одно называем добром, а другое – злом? Западные ученые не дают ясного и адекватного ответа.

В России же всегда признавалось существование естественной духовности, свойственной человеческой душе изначально, по самой ее природе. И.А. Ильин писал, что “человеку дано от Бога и от природы некое инстинктивное чувствилище для объективно лучшего, и воспитать ребенка значит пробудить и укрепить в нем на всю жизнь это инстинктивное чувствилище”³. В русском искусстве это называется художественным вкусом, в науке – чувством истины, в религии – Богосо-

зерцанием, а в правовой (а значит, и нравственной) сфере – *совестью*.

У скептиков, воспитанных в либертарно-юридическом духе, не представляющих себе собственного смысла права, неизменно возникает вопрос: каким образом духовно-нравственные ценности могут “работать” в праве? Им трудно осознать, что норма подлинного права имеет свою санкцию в виде живого укора совести. Тонко развитая и глубоко чувствующая душа испытывает совестный укор часто и явственно. Он выражается в известном каждому из нас внутреннем недовольстве своим поступком или даже всею своею жизнью: человек сознает свою неправоту и чувствует, что он должен и может жить и действовать иначе; это вызывает в нем щемящее чувство вины.

Русское слово “совесть” (со-весть), не имеющее прямых аналогов в иностранных языках, в словарях разных лет определяется как разумение, понимание, знание, внутреннее чувство, глас Бога в душе человека. В Православии понятие “совесть” употребляется как духовный закон, который определяет собой все внутреннее устройство личности, вступившей в новую жизнь⁴. *Совесть можно определить как специфическую способность нравственного суждения, с помощью которой человек в каждом конкретном случае определяет, что делать и как поступать.*

¹Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Тел.: (385-2) 36-64-58).

²Кант И. Метафизика нравов. М., 2002. С. 35.

³Ильин И.А. Теория права и государства. М., 1999. С. 231.

⁴См.: Свт. Василий Великий. Нравственные правила // Свт. Василий Великий. Собр. соч. Т. 3. С. 173; Св. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. М., 1992. С. 83; Олесьницкий М. Из системы христианского нравоучения. Киев, 1896. С. 227; Солярский П. Записки по нравственному Богословию. СПб., 1860. С. 364; Стеллецкий Н. Опыт православного нравственного Богословия. Харьков, 1914. С. 26; Фаворов Н. Чтения о христианской нравственности. Киев, 1879. С. 340; Свт. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1891. С. 201; Филарет (Вознесенский). Конспект по нравственному Богословию. М., 1990. С. 120; Янышев И. Православно-христианское учение о нравственности. М., 1887. С. 198.

Во всех европейских культурах преступление противопоставляется законности. Но только в русской культуре справедливость соединяется с внутренним убеждением, с Правдой и включается в поле Истины. Во французском языке справедливость подводится под слово “закон, законность”, а в русском – под слова “правда” и “истина”. **Право как воплощение Правды реализуется посредством чистой и обостренной совести человека.**

Упоминание совести в нашем секулярном обществе встречает иронию или прямые насмешки. Отвращение юснатуралисты переносят с совестного переживания на то, к чему призывает совесть – к самой идее добра, доброты, добродетели. Душа секулярного человека циничная, черствая и холодная; она связывает свою самоидентичность с отрицанием права и нравственности, с проповедью ненависти и мести. Все, что остается в такой душе от совести, сводится к злой иронии по поводу доброты и праведности, к дикому восторгу язычника над болью своего врага.

Совесть есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего полицейского принуждения. Совесть является особой формой выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, справедливость. Совесть свидетельствует о богоподобии человека и необходимости исполнения Божьих заповедей. По словам Сираха, Бог положил око Свое на сердца людей (Сир. 17,7). Как внутреннее Божественное состояние совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего правовой запрет. “Добрая совесть – глаз Божий”, – говорится в русской пословице.

Многие современные юридические системы закрепляют догадки ученых о существовании внутреннего нравственного чутья на неправомерные деяния. Примером этого может служить распространенный принцип: “Незнание закона не освобождает от ответственности”. А почему, собственно? Потому, что в каждом вменяемом взрослом человеке присутствует внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение от лжи и зла; невольная любовь к добру и истине, прирожденная правда, у нашего народа получившая собственное наименование – СОВЕСТЬ.

Совесть – это внутренний свидетель и “судья первой инстанции” для наших поступков, кото-

рый проверяет все наши действия и бездействия нравственным абсолютом Божественного происхождения и выносит приговор об их достоинстве и недостоинстве и вследствие этого награждает нас спокойствием и душевным миром или наказывает беспокойством, переживаниями и душевными муками. Дело совести – это дело человека, которое он ведет против себя самого. В акте совести наблюдается тяжба обвиняемого перед судом. Но обвиняемый своею совестью и судья – не одно и то же лицо, иначе обвинитель всегда проигрывал бы. Совесть человека при всяком правонарушении выступает актом Божьего суда.

“В совести начертана норма святой, доброй и праведной жизни”, – писал Свт. Феофан Затворник⁵. И.А. Ильин отмечал: “Совесть есть голос целостной духовности человека, в которой инстинкт принял Закон Божий как свой собственный, а дух приобрел силу инстинктивного влечения. Совесть есть инстинктивная потребность в нравственном совершенстве и неколебимая воля к нему”⁶. *Наличие совести предполагает не только признание прав всех живущих, но и любовь к ним. Такая нравственная высота правового строя западной юриспруденции оказалась недоступной.*

Законы государства и общества могут быть противоречивыми, пробельными, недоступными для понимания, и во всех этих случаях на выручку человеку приходит совесть – прямая связь с Богом. Вот только у неверующего в Бога человека этот Божий дар оказывается лишенным твердой опоры. Показательны здесь слова апостола Павла: “Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую” (Рим. 2,14–15).

Всякий живущий человек согласно Православию сотворен по образу Божьему, и отпечаток этого образа, память о нем, поиск его не может стереть никакая сила на свете. В Послании к римлянам апостол Павел предупреждает, что никто не может оправдаться тем, что не знал, как поступать в своей жизни, потому что нравственный закон написан в сердце каждого человека (Рим. 2,15). Этот закон дан Богом и является достоянием всех людей. Всякий человек, совершающий убийство, супружескую измену, клятвопреступление и т.п., не может освободиться от мысли, что совершает беззаконие.

⁵ Свт. Феофан Затворник. Указ. соч. С. 204.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. М., 1993. С. 31.

Целостное восприятие внутреннего мира человека позволяет обнаружить, что совесть (в свою очередь) сочетается с чувством стыда, т.е. сильного смущения от осознания злого поступка. Стыдно бывает человеку, когда он радуется несчастью окружающих, величается перед ними, присваивает чужое. В Священной Книге Ветхого Завета описывается, как, познав Зло, Адам и Ева познали стыд⁷. Чувство стыда обличает их в том, что они совершили нечто недоброе, противозаконное. Они почувствовали, что сделались иными – не такими, какими были и должны быть. Отныне они познали свое состояние, свое бытие в противопоставлении идеальному должному состоянию и бытию. И поскольку они ему не соответствуют, они, стыдясь быть такими, какими стали, прикрывают друг от друга и от самих себя свою наготу смоковыми листьями и скрываются от зовущего их Творца за райскими деревьями.

До вкушения плодов древа познания Добра и Зла Адам не знал о Добре и Зле, т.е. о нравственности. После грехопадения правовые нормы, данные Богом при создании первочеловека, дополнились нравственными абсолютами – Божьими заповедями, а вместе с ними совестью, вложенной Богом в сердца людей. После грехопадения, когда первый в мире закон был нарушен людьми, вместо закона Бог впечатлел в них совесть. И то, и другое осуществлено в рамках единого Права, представленного в разных его ипостасях. *Первый закон от Бога был просто правовым (правильным, истинным, абсолютным), а последующие обрели еще и нравственное качество. Можно сказать, что Первозакон был развит и трансформирован в развернутую систему Заповедей и совесть.*

Душевная природа человека изменилась после грехопадения; его воля приобрела способность к раскаянию и покаянию, обретению благодати путем делания Добра и отвержения Зла. С этой поры **любой Божий закон одновременно нравственный, но нормы, созданные человеком,**

нравственны далеко не всегда. Чем слабее связь человека с Богом, тем острее общество нуждается в светском нормотворчестве и более безнравственными оказываются результаты. С приданием праву нравственной ипостаси суть права не изменилась – оно остается абсолютот добрых человеческих взаимоотношений.

Совесть есть начало в человеке не механическое, а органическое, не рациональное, а чувственное. В совестном акте человек обретает душевно-духовную цельность, целостное видение происходящего внутри и вокруг него, избавляется от иллюзий на свой счет, самообмана, двойных стандартов. Заметив благодаря совести в себе дурное качество, православный человек всеми силами старается его преодолеть, исправиться, не отдаляться дальше от Бога.

Такой самоконтроль оказывается эффективнее внешнего полицейского контроля. Отклонение от порядка, данного Богом, приводит к искажению отношений в обществе, ниспровержению идеи права, утрате верховной властью меры дозволенности. Если государство хочет стать действительно правовым, оно должно создавать свои нормы в строгом соответствии с Божьими заповедями и нравственными абсолютами. Но для этого государству надо перестать именовать себя светским и обрести священный статус Православной Державы.

К.С. Аксаков писал: “Русский народ хочет оставить для себя не политическую, а свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт – жизнь мирную духа. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа – народной жизни внутри себя. Как единый, может быть, на земле народ христианский (в истинном смысле слова), он помнит слова Христа: воздайте кесарю кесарево, а Божие Богу, и другие слова Христа: Царство мое не от мира сего; и потому, предоставив государству царство от мира сего, он, как народ христианский, избирает для себя иной путь – путь к внутренней свободе, к Царству Божию: Царство Божие внутри нас есть”⁸. “Подлинная мораль, – определял Л.И. Петражицкий, – это внутреннее осознание долга, выполнению которого человек должен посвятить всю свою жизнь при одном обязательном условии, чтобы на него не оказывали никакого внешнего давления”⁹. Таким образом, подлинное преодоление и преображение мира требует не

⁷ Здесь стоит высказать существенное предположение относительно момента возникновения права и нравственности. В науке господствует мнение, что социальное регулирование шло сначала моральным путем, и затем прочно установившиеся привычки и обычаи превратились постепенно в правовые нормы. Библийский сюжет позволяет сделать следующий вывод: вначале Бог даровал людям Право в виде прав (возможностей): “От всякого дерева в саду будешь есть” и запрета: “А от дерева познания Добра и Зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь” (Быт. 2, 16, 17). После грехопадения перволюдей, когда они узнали Добро и Зло, Бог наделил их в своих заповедях Ветхого, а затем Нового завета *нравственным законом*, продолжающим *право* по единой духовной сути и предназначению.

⁸ Аксаков К.С. Соч. Т. 4. М., 1886. С. 194.

⁹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 508.

только одних внешних усилий со стороны общества, государства и Церкви, но внутренне свободного выбора в пользу добра со стороны каждой конкретной личности.

Развитое нравственное сознание признает истинную цену лишь за таким исполнением моральных требований, которое сопровождается соответствующим внутренним настроением. Одно внешнее исполнение без надлежащего нравственного чувства не имеет никакого этического значения. Есть действия, до такой степени связанные с внутренними мотивами, что без наличия последних они теряют всякий смысл. Милосердие судьи, если оно не проникнуто внутренним чувством, не только лишается своего значения, но и превращается в недостойное лицемерие.

В рамках правового строя каждый человек имеет не только оправданную юридическую, но и моральную обязанность повиноваться нормам, потому что тогда закон предписывает во внешнем поведении то самое, что голос совести одобряет как нравственное и справедливое. Одно внешнее, формальное осуществление прав и свобод без развитого правового внутреннего настроя не даст необходимого результата ни личности, ни обществу. Как выразился Г.Дж. Берман, “мировое сообщество, управляемое законом, юридической системой веберовского формально-рационального типа, было бы бичом Божиим и царством ужаса”¹⁰.

Нравственные нормы и принципы, олицетворяющие более глубокий пласт права в сравнении с формально-определенным законодательством, никогда не рассматривались на Руси в качестве средств приспособления человека к внешним формам поведения. Святые отцы всегда видели в них цель руководства к духовному совершенству, спасению и обожению. Вот почему нельзя согласиться с мнением О.Э. Лейста о том, что «многовековая традиция “судить по совести и морали” не научила российское общество различать право, мораль и правосознание»¹¹. Это в законнических цивилизациях главное – внешнее урегулирование актов внешнего поведения, на Руси же – воспитание духа, человеческой совести.

Население самых “цивилизованных” стран не является, а лишь выглядит моральным, поэтому там исчезает такое понятие, как “угрызение совести”. Человек, сделавший принципы морали

основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, там обречен на душевные страдания и конфликты со средой. Если человек на Западе хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью освободиться от внутренней нравственности и развить “моральную” мимирию.

На Руси с древности сознавали высокую ценность права в общественной жизни. Оно мыслилось не столько в качестве орудия управления, инструмента для поддержания порядка, сколько в виде средства воспитания души. Это представление о праве хорошо выражало понятие “правда”, которое использовалось в качестве замены понятия “закон”. Впрочем, на Руси даже понятие закона употреблялось более для обозначения нравственно-религиозных заповедей (Закон Божий), нежели для названия нормативного акта, изданного государственной властью. Потому и возрождение права в России нужно связывать не с принятием федерального и региональных законодательных актов “О защите личной и общественной нравственности”, как это предлагается в последние годы¹². Законодательные предписания ценны, если человек приобретает добрые душевные качества не по чужому приказу, а вырабатывает их у себя доброй волей (добровольно). Никто не может заставить человека признать что-нибудь, захотеть, подумать – тут законы государства бессильны, однако право действует через совесть человека. Право не останавливается на границе внутреннего мира человека, как считается в секулярной юридической науке, а проникает в него в виде совестного акта и состояния благодати.

“Как же различать нравственно доброе от дурного? – спрашивает митрополит Филарет. – Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью”¹³. **Совесть и есть основа человеческой нравственности и права.**

Совесть призвана отражать абсолютные, вечные и неизменные начала нравственности. Для того чтобы личные субъективные воззрения человека не искажали этих начал, совесть подкрепляется чувствами стыда, долга и ответ-

¹⁰ Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 329.

¹¹ Лейст О.Э. Сущность права. М., 2004. С. 276.

¹² Например: Закон Саратовской области “О защите нравственности и содействии духовному развитию общества”, Закон Алтайского края “Об охране общественной нравственности”, Закон Республики Дагестан “О защите личной и общественной нравственности”.

¹³ Добротолюбие. Т. 5. М., 2004. С. 325.

ственности. Стыд является одним из видов нравственного сознания, оказывающим благотворное влияние на эмоциональную жизнь. Человек обладает естественной (т.е. врожденной) склонностью к переживанию чувства смущения, вызванного обличением какого-либо безнравственного поступка. Несоответствие поступка нравственному канону производит страх перед позором и бесчестьем. Стыду предшествует стыдливость. Долг – это определяемая человеку со стороны его воли и разума необходимость поступать в соответствии с нравственным идеалом. Быть перед кем-то в долгу означает определенное внутреннее требование (это касается даже уплаты материального долга). Ответственность не стоит уподоблять каре и наказанию, ведь это прежде всего ответ перед ближними, нравственная отчетность за совершенный поступок. Человек несет ответственность перед Богом и своей совестью за нарушения требований нравственного (правового) закона. Все эти чувства зависят от многих факторов, среди которых решающими можно считать религиозное формирование, воспитание, образование и природные наклонности. Сказанное позволяет постулировать, что **подлинное право укореняется в душе нравственного, ответственного человека.**

Поскольку совесть представляет собой впечатленный закон, способный от любых мыслей и действий человека вызвать в нем чувства страха, стыда или справедливости, постольку деяния человека (мысли, действия, бездействия) через страх, стыд и другие чувства оцениваются человеком как пре-ступление закона (грех) или соответствие праву. Совесть есть эталон, на котором чувствами проверяются наши деяния и сама жизнь. *Следование нравственному чувству делает человека правопослушным и позволяет разрешать бесконфликтно правовые споры. Когда закон государства слаб, несовершенен и несправедлив, роль совестного акта еще более возвышается.*

Законодательство западноевропейских стран, в котором все подробно, до мельчайших деталей регламентируется, долгое время не получало в России признания. Так, Екатерина II говорила о датских законах, прожив в России три десятка лет: “Все здесь предвидено; следовательно, никто сам не мыслит, и все действуют, как бараны. Я предпочла бы бросить в огонь все, что, по вашему выражению, я перевернула вверх дном, нежели создавать прекрасные законы, которые порождают отвратительную породу пошлых и глупых баранов”¹⁴. В своем “Наставлении губернаторам”

императрица указывала: “Итак, со своей стороны, поставляем милосердие за основание законов и открываем дорогу к достижению правосудия”¹⁵. Одним из главнейших средств упрочения правопорядка в русском обществе Екатерина II считала воспитание в людях добрых нравов. В письме Вольтеру от 14 июля 1769 г. она писала, что законы не должны основываться на страхе, иначе они не принесут много пользы.

Вообще же для России после XVII в. стала характерна ситуация, при которой духовный статус и уровень правосознания народных низов оказывается более высоким в сравнении с правосознанием элитарных групп. Духовный статус народа оказывался более защищенным в те эпохи, когда нравственные абсолюты были особенно крепки. Однако вместе с дискредитацией духовных ценностей оказывался дискредитированным и человек из народа, в судьбе которого начинают видеть только следы плебейского происхождения, бедности и неприспособленности. В современном глобализованном мире нравственность объявлена покровительницей слабых и неприспособленных и, как помеха, вытесняется. В процессуальных кодексах закреплён принцип беспристрастности, дабы судья настолько абстрагировался от разбираемого дела, чтобы оно не вызывало ни чувства порицания зла, ни чувства антипатии к убийце и насильнику, ни чувства справедливости. Правовая система видится юснатуралистам и нормативистам как огромная, громоздкая, бюрократическая машина, в которой отдельные элементы выполняют специализированные роли в соответствии с изменчивыми инструкциями и вне зависимости от целей права.

Традиции России соответствует следующая трактовка права: **ПРАВО – это победа совести в человеке, общая совесть всего сообщества; дух Абсолюта, явленный в Божьих заповедях, нравственных началах, а также в непротиворечащих им юридических нормах общества и государства.**

С учетом такого понимания права можно утверждать, что **правосознание – это форма совести.** В юридической науке принято понимать под правосознанием правовую идеологию и правовую психологию, вместе взятые, но это поверхностный взгляд на предмет, как, впрочем, на многое в современной юриспруденции. *Правосознанием люди оценивают свои деяния на соответствие ПРАВУ, т.е. прежде всего Божественному закону и вытекающим из него нравственным принци-*

¹⁴ Валишевский К. Роман императрицы. СПб., 1908. С. 336, 337.

¹⁵ Переверзев С.В. Россия. М., 2006. С. 240.

нам. Получается, что между понятием совести и понятием правосознания, по сути, нет разницы. Можно сказать, что правосознание есть акт совести человека.

Духовная природа человека едина и целостна, оттого она так непросто поддается рациональному разделению. В силу этого отделить правосознание от совести человека невозможно. В каждом субъекте права заложено верное справедливое сознание, которое “видит” и “чувствует” правомерное и противоправное поведение, поэтому такое сознание нужно именовать правовым. Это врожденное и естественное правосознание или чувство права неотделимо от человеческой совести. Правосознание представляет собой, таким образом, проявление духа, направляющее и укрепляющее волевые усилия субъекта права.

Правосознание, в отличие от законознания, присуще каждому субъекту права, и то, что правосознание открывает человеку, порой выглядит смутно и не очень отчетливо. В подобных случаях субъект права (в подлинном и исконном смысле этого термина) обратится к изложенным в Книге Священного Писания (Библии) Божьим заповедям, по которым всегда можно проверить результат совестного акта. Ведь совесть для большинства людей указывает на самый элементарный и обязательный для всех уровень нравственности. Если после переживания мук совести для человека неочевиден правовой вывод, он может обратиться в Церковь, а затем правоохранительные органы государства. При таком – собственно правовом – строе правопорядок вырастает не из навязываемых приказов государственной власти, а из духовного общения богобоязненных, совестливых и ответственных людей. Пробуждение подлинно правового сознания обуславливается

правильной верой в Бога и нравственным поведением.

Правовое сознание не является искусственным измышлением кабинетных мыслителей, а представляет собой реальный духовный орган человека, присущий ему как творению Божьему, причем творению высшему. **Совесть человека всегда носит сакральный, нравственный и правовой характер совокупно**, поэтому правосознание не может сформироваться у бессовестного человека.

Еще И.А. Ильин признавал правосознание явлением, не просто сопутствующим праву, но для права в прямом смысле жизненно необходимым (однако уже более сотни лет раздел, посвященный правосознанию, помещается едва ли не в конце всех учебников по теории права и государства). В представлении И.А. Ильина правосознание – это жизнь права. Право, отчужденное от правосознания, бессильно и не способно исполнить свое назначение. Такому представлению о правосознании соответствовало вполне определенное понимание сущности права, роли права в общественной жизни. “Духовное назначение права, – утверждал И.А. Ильин, – состоит в том, чтобы жить в душах людей, наполняя своим содержанием их переживания и слагая, таким образом, в их сознании внутренние побуждения, воздействуя на их жизнь и на их внешний образ действий. Задача права в том, чтобы создавать в душе человека мотивы для лучшего поведения”¹⁶. И.А. Ильин, который много сделал для возвращения изначального смысла права, заметил: “Строить право – не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки, но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание”¹⁷.

¹⁶ Ильин И.А. Соч. В 10-ти т. Т. 3. М., 2003. С. 259.

¹⁷ Там же. С. 37.